
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 323
ББК 66.3(0)

DOI 10.22394/1682-2358-2020-6-4-9

K.G. Dzugaev, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher of the Modern History Department of the South Ossetian Scientific Research Institute named after Z.N. Vaneev, Honored Scientist of the Republic of South Ossetia

SOUTH OSSETIANS: THE STRUGGLE FOR IDENTITY

Specificity of South Ossetian identity as a basis of state self-determination in the recent history of South Ossetia is considered. The role of internal and external geopolitical factors that have shaped the identity structure of South Ossetian citizens is assessed. The role of Russia as a guarantor of political stability in the region is estimated.

Key words and word-combinations: South Ossetia, Georgia, Russia, assimilation, self-determination, reunification, identity.

К.Г. Дзугаев, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Юго-Осетинского научно-исследовательского института имени Захария Ванеева, заслуженный деятель науки Республики Южная Осетия (email: kostadzugaev@mail.ru)

ЮЖНЫЕ ОСЕТИНЫ: БОРЬБА ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ*

Аннотация. Рассматривается специфика югоосетинской идентичности как основание государственного самоопределения в новейшей истории страны. Оценивается роль геополитических факторов, определивших процесс формирования структуры идентичности граждан Южной Осетии. Выявляется роль России как гаранта стабильности в регионе.

Ключевые слова и словосочетания: Южная Осетия, Грузия, Россия, ассимиляция, самоопределение, воссоединение, идентичность.

Югоосетинская ветвь осетинского народа является неотъемлемой частью осетин и обладает всеми основными общеосетинскими идентификационными маркерами. Вместе с тем южные осетины, бесспорно, имеют специфические культурно-психологические черты, обус-

---

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ – МОН РЮО «Территориальная идентичность: факторы, механизмы и инструменты формирования (сравнительный анализ субъектов Российской Федерации и Республики Южная Осетия)» в рамках Гранта РФФИ № 20-511-07004.

ловленные ареалом проживания и историческими контактами с соседями, а именно с грузинами (этническими контактами с армянами, русскими, евреями, не оказавшими существенного влияния на югоосетинскую идентичность, в данном контексте можно пренебречь) [1; 2].

С грузинами, а точнее с грузинскими племенами, осетины контактировали с глубокой древности; Осетия и Картли вели интенсивный экономический и культурный обмен. По мнению грузинских ученых, отношения эти «могли иметь место с последних веков до н. э., естественно, заходя в первые века нашей эры» [3, с. 6]. Взаимодействие имело различную природу, но можно констатировать доминирование осетинского влияния в течение ряда веков; даже имена первых царей — правителей Картли являются осетинскими: Фарнаваз, Саурмаг, Куджи, Артаг, Асфагур и другие. Отношения развивались в целом по восходящей; их вершиной историки единогласно признают эпоху грузинской царицы Тамар, дочери осетинского царя Худана, и ее мужа-соправителя Сослана-Давида Царазона (конец XII — начало XIII вв.) [4].

Затем наступил перелом. Загадочным образом погибает Сослан-Давид, вскоре смерть настигает Тамар и их сына Лаша (имя означает «светоч», «светлый»); осетинское династическое присутствие пресекается. Распадается и само грузинское царство, о состоянии страны грузинские ученые пишут, что она «на протяжении веков оставалась похожей на закрытый концентрационный лагерь» [5, с. 6].

Монгольский удар разрушил и Аланию — Осетию, осетины оказались заперты в горах Кавказа, и следующие несколько веков, до прихода Российской империи, характеризуются как весьма конфликтные; эти времена отражены в историко-этнографическом произведении основоположника осетинской литературы К. Хетагурова «Особа» [6], где описывается жесткое давление горных и предгорных осетинских сообществ на равнинные грузинские (картлийские) поселения и города (термин «особа» является грузинским и означает «время начальствования (преобладания, доминирования) осетин»).

Ситуация резко изменилась с утверждением российского военно-политического контроля над рассматриваемыми территориями: грузинская власть получила силовую поддержку от власти российской в борьбе против Осетии и осетин. Начались карательные экспедиции против осетинских сообществ, при этом главной военной силой карателей выступали не грузинские, а российские армейские соединения. Основной целью грузинского наступления на Осетию являлось ее подчинение с последующей ассимиляцией или вытеснением осетин [7].

На эти поползновения осетины отвечали восстаниями; фактически полвека, с 1801 по 1853 г., шла непрерывная война [8, с. 646—647]. Появляется первый, чрезвычайно важный маркер югоосетинской идентичности: категория свободы выступает в качестве кардинального целеполагания, организуя вокруг себя дух (осетинское «мон») и социум горных осетинских сообществ. Можно констатировать исторически длительный мировоззренческий

конфликт с пониманием жизни картлийского социума, для которого идея господства — подчинения являлась само собой разумеющейся: «Грузинский тавад-феодал совершенно искренне полагал, что осетины на землях, которыми он наделен высшей властью, должны беспрекословно платить дань и выполнять повинности; осетин же столь же искренне не мог взять в толк, с чего бы это он отдавал произведенный им продукт и работал на пришлового человека, объявившего себя его хозяином. Это было столкновение двух пониманий мироустройства, общественных укладов — уклада деспотического феодализма восточного образца у грузинского общества и уклада военно-родового строя, получившего укоренение и значительное развитие в осетинском (горном) обществе» [9, с. 12]. Иными словами, военная демократия осетинских горных сообществ оказалась способной к эффективному противодействию, отстаивая свою идентичность. Первым в литературе по грузино-осетинскому конфликту на противоположность менталитетов сторон обратил внимание, пожалуй, М.М. Блиев [10]. Этот этап борьбы завершился объявлением Правительствующим сенатом России осетин казенными крестьянами, то есть признанием их свободы от грузинских помещиков.

Такой образ жизни в поколениях воспитал у южных осетин исключительно высокую боеспособность с ее известными атрибутами — смелостью, жертвенностью, стойкостью, мужеством и т.п. [9]. Эти качества были продемонстрированы в период национально-освободительной борьбы 1917—1921 гг., когда образовавшаяся независимая Грузия попыталась решить «осетинский вопрос» наиболее радикальным способом: уничтожением Южной Осетии. В 1920 г. грузинскими правительственными войсками Южная Осетия была сожжена до состояния «чистого поля», осетинское население частью истреблено, а частью изгнано на север Осетии через Главный Кавказский хребет. В 2020 г. в Республике Южная Осетия проводится ряд мероприятий по мемориализации столетия геноцида осетинского народа со стороны грузинского государства.

Восстановление Южной Осетии и возвращение южных осетин на родные земли стало возможным в рамках политики создания огромного коммунистического государства — Союза Советских Социалистических Республик; при этом Южная Осетия, вопреки ясной и решительной воле осетин, была административно-насильственным способом включена в состав Грузинской ССР в статусе автономной области. Это роковое для южных осетин решение предопределило ход событий в грузино-осетинских отношениях на весь советский период: имея над южными осетинами власть, тбилисское национал-коммунистическое руководство всеми способами старалось их ассимилировать, размывая и разрушая их национальную идентичность. Так, репрессии 1937 г. в Южной Осетии отличались особой жестокостью, грузинское НКВД тщательно уничтожало всех носителей осетинской национальной активности, прежде всего тех, кто боролся за воссоединение Осетии. Неоднократно менялся алфавит, а затем и обуче-

ние в школах было переведено на грузинский язык. Социальные «лифты» работали только для тех осетин, кто соглашался на грузинификацию своих фамилий и переход в грузинскую идентичность.

Воинский дух осетин проявился еще в период царизма, когда выдвинулась плеяда славных генералов-осетин; в советское время осетины занимали первое место среди народов СССР по числу Героев Советского Союза — 35 человек [11, с. 15; 12]. В отличие от осетин, грузины не воинственны, хотя и способны к проявлениям агрессивности.

Помимо бесстрашия, воли к победе, готовности к смертельному риску, южные осетины способны к мгновенной самоорганизации, что стало полной неожиданностью для грузинских национал-экстремистов, начавших с 1989 г. новый период давления на осетин, перешедший в январе 1991 г. в вооруженную борьбу. Провозгласив 20 сентября 1990 г. Республику, южные осетины в ходе полуторалетней войны сумели ее отстоять, а после ввода миротворческих сил — создать дееспособные государственные структуры. В те годы грузинская сторона в конфликте еще раз попыталась осуществить «окончательное решение» «осетинского вопроса», подведя под свою преступную политическую практику некое подобие научно-исторического обоснования [13]. Грузинскому национал-экстремизму осетины противопоставили не национализм (хотя проявления имелись: «Благодарю судьбу свою за то, что на этот свет родился ОСЕТИНОМ!» [14, с. 5]), а патриотизм.

Пожалуй, самым жестоким образом боеспособность южных осетин была проэкзаменована во время геноцидной агрессии режима М. Саакашвили в августе 2008 г. Грузинская армия вторжения в 8—10 раз превосходила численностью осетинские вооруженные формирования и имела подавляющее превосходство в технике. Однако в беспощадных уличных боях в Цхинвале в течение двух суток осетинские подразделения сломили наступательный порыв грузинских войск, разгромили их и выбили из города. Подчеркнем, что этот никем не предвиденный, невероятный подвиг совершили именно регулярные боевые формирования Республики южных осетин, а не ополченцы, как об этом часто приходится читать в литературе по «пятидневной войне» и операции России по принуждению Грузии к миру. Очень важно, что основную тяжесть боевых действий выдержала молодежь, новое поколение, выросшее в своей Республике, свободной от грузинской власти. Следовательно, важнейшая составляющая югоосетинской идентичности была в необходимой и достаточной мере передана от старшего поколения, отвоевавшего войну начала 1990-х годов, поколению, принявшему эстафету [15].

Трансляция этого воинского духа из поколения в поколение обеспечивалась несколькими социокультурными механизмами.

Во-первых, традиционное семейное воспитание. Каждый отец всегда считал своим долгом вырастить сына отважным, сильным, справедливым.

Во-вторых, налаженная веками система общественного воспитания мальчиков, подростков, юношей, имеющая мировоззренческо-идеологическое

обеспечение в Нартиаде (в первую очередь в образе нартовского героя Батрадза-Стальногрудого, прямодушного и справедливого защитника народа). В советский период эта традиционная система в Южной Осетии естественным образом была трансформирована в государственную систему военно-патриотической подготовки, работающую через школы, военно-спортивные лагеря, а также, разумеется, через призыв на военную службу. Необходимость защиты СССР обусловила создание эффективной идеологической и моральной мотивации военной составляющей воспитания подрастающих поколений.

В-третьих, в Цхинвале в течение советских десятилетий сложилась местная неформальная система воспитания младших мальчиков старшими. Городское побережье реки Ляхвы большую часть года являлось местом проведения их досуга, здесь были установлены порядки уважения достоинства каждого независимо от возраста, утверждения дружеских отношений, презрения к трусости, нечестности. Действовали также разнообразные общества по интересам, воспитывавшие чувство взаимовыручки, организованности, внутренней дисциплины и активной жизненной позиции.

К началу грузино-осетинского конфликта в Цхинвале сформировалась общность, имеющая выраженную идентификационную особенность, которую можно обозначить термином «народ-семья». Содержание этого концепта таково: цхинвалский социум 1980-х годов представлял собой «ярко выраженное коллективистское общество с психологией (и даже идеологией) взаимной доброжелательности, взаимоподдержки, здорового товарищества, еще и плотно пронизанное кровнородственными связями, и приближающееся по своим психологическим и мировоззренческим характеристикам к ментальности большой семьи» [16]. Помимо указанных идентификационных составляющих, возникшее и укрепившееся в цхинвалском и югоосетинском социуме в целом качество «народа-семьи» является ключом к загадке феноменального историко-политического достижения южных осетин: как им удалось в чрезвычайно неблагоприятных условиях создать, отвоевать свое государство — Республику Южная Осетия и выстоять до ее признания в качестве независимого и суверенного государства. Первым задачу анализа причин столь впечатляющей успешности югоосетинского национально-освободительного движения поставил российский эксперт А. Сергеев. Называя это «неразгаданным феноменом», он призвал выяснить, «как пятидесятитысячный югоосетинский народ смог столь долгое время сражаться и в конечном счете выстоять против пятимиллионного государства» [9]. Ответ на поставленный вопрос, естественно, предполагает и соответствующее исследование конфликтной составляющей грузино-осетинских отношений в глубокой исторической ретроспективе; в советское время подобные исследования были табуированы в силу идеологических ограничений, накладываемых политикой дружбы народов, но в новейший период истории была опубликована первая работа такого рода, вызвавшая большой интерес и резонанс [17].

Таковы, на наш взгляд, основные причины и факторы, формирующие югоосетинскую этнокультурную идентичность [18]. Отражаясь в идентичности соседствующего грузинского народа, испытывая ее непрерывное давление вплоть до самых жестких форм, осетинская идентичность отвечала адекватными охранительными реакциями, укрепляясь, развиваясь и демонстрируя эффективность и жизнестойкость.

Библиографический список

1. Бестаева Э.Ш., Дзугаев К.Г. Этос осетин (к вопросу об этико-мировоззренческих детерминантах югоосетинского национально-освободительного движения) // Новые тенденции развития общественных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2015. Вып. 2. С. 48–52.
2. Бестаева Э.Ш., Дзугаев К.Г. Социально-философский анализ этических особенностей осетин // В мире научных открытий. № 7–10 (67). 2015. С. 3550–3556.
3. Ахвледиани Г.С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960.
4. Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г. Сослан-Давид Царазон в истории Грузии и Осетии: факты и гипотезы // Дарьял. 2007. № 2. С. 159–175.
5. Абашидзе И. Предисловие к поэме «Витязь в тигровой шкуре» / пер. Н. Заболоцкого. М., 1969.
6. Хетагуров К.Л. Особа (Этнографический очерк). Собр. соч.: в 5 т. М., 1960. Т. 4. С. 311–371.
7. Гаглойти Ю.С., Джигоев М.К., Джусойты Н.Г. [и др.]. Из истории осетино-грузинских взаимоотношений. Цхинвал, 1995.
8. История Юго-Осетии в документах и материалах. URL: <https://as-ir.ru/nauka/trjohtomnik-dokumentov-po-istorii-osetii-sostavlennyj-g-togoshvili-i-i-chovrebovym/>
9. Плиев А.Г., Дзугаев К.Г. Культурологические особенности грузино-осетинских отношений // Северный Кавказ: профилактика конфликтов. М., 2008. С. 9–21. URL: <https://as-ir.ru/kosta-dzugaev/kulturologicheskie-osobennosti-gruzino-osetinskih-otnoshenij/>
10. Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006.
11. Книга Памяти. Т. 4. Владикавказ, 1997.
12. Дзугаев К.Г. Проблемы современной идеологии и Победа 1945 г. // Информационно-аналитический сборник Парламента Республики Северная Осетия – Алания. № 5 (147). Владикавказ, 2010. С. 10–14.
13. Осетинский вопрос / сост. А. Бакрадзе, О. Чубинидзе. Тбилиси, 1994.
14. Осетия и осетины / сост. К. Челехсаты. Владикавказ, 1994.
15. Дзугаев К.Г. Геноцидная война в Южной Осетии // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 80. С. 9–11.
16. Дзугаев К.Г. Концепт «народ-семья» в анализе новейшей истории Южной Осетии // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. Т. 19, № 2. С. 19–22. URL: <https://as-ir.ru/kosta-dzugaev/koncept-narod-semja-v-analize-novejshej-istorii-juzhnoj-osetii/>
17. Дзугаев К.Г., Дзидзоев В.Д. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал, 2007. URL: <https://as-ir.ru/product/paradigma-samoorganizacii-filosofskij-istoriko-socialnyj-i-politologicheskij-aspekty/>
18. Дзугаев К.Г. Проблема формирования идентичности югоосетинского социума // Личность и общество: социокультурные, экономические и политико-правовые аспекты взаимодействия в условиях глобализации: материалы региональной научно-практической конференции. Владикавказ, 2013. Ч. 1. С. 25–30.